

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Со своими дровами в лес не ходят — говорят по-польски в ситуации, когда приходят в гости к флористу с цветами, к кондитеру с тортом... или к русским со своей книгой о Бунине. Я решилась на этот рискованный шаг, поскольку надеюсь, что мое видение из другой страны, возможно, с новой неожиданной точки зрения расширит представление об этом писателе на его родине. Неожиданной может показаться в России и моя с ним близость. «Мой» Бунин не страдает сентиментальной ностальгией, не является эпигоном, что в нем временами склонны видеть. Он актуален и универсален. Стоящий обособленно, переполненный горького опыта, он по-своему оригинален как в литературе, так и в жизни.

Книга «Во льдах Прованса» рассказывает о жизни Ивана Бунина на юге Франции в 1940—1944 годах. Период этот остался бы не вполне понятным читателю, не обратись я к тому, что этим годам предшествовало и что случилось потом, отразив таким образом исходную и завершающую точку сюжетных линий. Подобный подход может вызывать определенные трудности при чтении, по-

скольку описываемые события обычно происходят в одном и том же городке Грассе, но в двух разных домах и в два разных периода — на вилле «Жаннет» в 1940-х годах и на вилле «Бельведер» в 1920-х и 1930-х годах (упоминается также третья вилла — «Монфлери»), а также в Париже и Стокгольме. Поскольку повествование развивается согласно собственной внутренней логике и не выстроено в хронологическом порядке, особое значение приобретают место и время действия.

Как и в моей предыдущей книге, посвященной Флоберу, здесь отсутствуют сноски (за исключением нескольких переводов с французского): хотя я использую определенные литературоведческие сведения, это не научный труд, и чрезмерное количество сносок мешало бы восприятию основного текста. Использованные источники и ссылки на исследования, которые я привезла из России и Франции, приведены в конце книги.

Выражение «на “Жанете”» или двойное «с» в названии города Грасс неслучайны — я прибегаю к этим формам, поскольку намеренно ввожу в книгу домашний язык Бунина и его близких. Например, я использую уменьшительные имена, которыми они называли друг друга (Галя, Марга, Лёня), а также название «Яшкин переулок» для обозначения парижской улицы Жака Оффенбаха, а в цитатах сохраняю русифицированные ими названия французских городов. Только имя «Ян», которое по отношению к Бунину использовала его жена Вера Николаевна, дается мной в кавычках, с целью подчеркнуть ее исключительное право на него.

В приводимых цитатах я раскрываю сокращения, в том числе записанные в форме инициалов

имена, кроме двух из них, касающиеся в личных записях Галины и Марги — Г. и М.

Издание дополняет краткая «Хронология жизни и творчества Бунина».

Книга приобрела многое благодаря помощи людей, которых я хотела бы здесь поблагодарить, особенно (в алфавитном порядке) Александра Бондарева, Анну Лис, Магдалену Лободзинскую, а также Эльжбету Червиньскую.

Рената Лис

ТРИДЦАТЬ ЧЕМОДАНОВ

Жаркий летний день на Днепре. На песчаных полях против Подола черно от купающихся. Их все перевозят туда бойкие катерки. Крупные белые облака, блеск воды, немолчный визг, смех, крик женщин — бросаются в воду, бьют ногами, загораясь в разноцветных рубашках, намокших и вздувающихся пузырями. Искупавшиеся жгут на песке у воды костры, едят привезенную с собой в сальной бумаге колбасу, ветчину. А дальше, у одной из этих мелей, тихо покачивается в воде, среди гнилой травы, раздувшийся труп в черном костюме. Туловище полулежит навзничь на бережку, нижняя часть тела, уходящая в воду, все качается — и все шевелится равномерно выплывающий и спадающий вялый белый бурак в расстегнутых штанах. И закусывающие женщины резко, с хохотом вскрикивают, глядя на него.

Это досадное воспоминание 1918 года (Бунин тогда приплыл с женой в Киев из Гомеля, следуя из подконтрольной большевикам Москвы в Одессу), принесенное рекой памяти и полупогруженное в ее мутные воды, могло настичь его летом 1940 года аж в департаменте Приморские Альпы, в пахнущем эфирными маслами французском городке

Грасс. Раздувшийся труп убитого в Гражданскую войну мужчины мог бы захотеть примкнуть к Бунину в его следующем — уже третьем — бегстве, он мог бы захотеть подбросить свои разбухшие останки к тем тридцати местам багажа, которыми была забита машина беженцев. Бунину же ничего не оставалось делать — над трупом своего прошлого он давно уже был невластен, — как только попытаться, внезапно побледнев, чтобы этот сочащийся водой лишний пассажир не привлек внимания пяти женщин, бежавших вместе с ним, и нанятого шофера. Он мучился с трупом в одиночку. «Хоть бы штаны застегнул, раз уж не хочешь сойти! С нами едет девочка!» — подобным образом он мог бы ругать его на остановках, когда никто не слышит. А потом: «Ты на меня не обижайся, дорогой, но уж очень я хотел бы тебя позабыть, а еще хотел бы забыть тех баб с набитыми колбасой ртами, так позорно клявшими тебя тогда, и ту тминную водку, питую в поезде из Москвы в Вязьму, и те Оршу и Минск, и те заблеванные рельсы, и того немца в форме, который наконец дал в морду какому-то большевику, и то купе в поезде, где пришлось ехать с десятью польскими офицерами, и вообще все то путешествие на юг, и весь наш следующий год в Одессе, и первые месяцы тысяча девятьсот двадцатого». — «Ян, ты с кем говоришь?» — могла бы тогда спросить Вера Николаевна, его жена, и после этих слов наступило бы длительное молчание.

Из Грасса они выехали 16 июня 1940 года, в тот самый день, когда маршал Филипп Петен стал премьер-министром французского правительства, эвакуированного из Парижа в Бордо. Выдвинулись в десять часов утра — Бунин с Верой, Галина Кузне-

цова со своей любовью Маргаритой Степун, Ляля Жирова с дочкой Олей и в придачу тридцать чемоданов и воспоминания. Они не знали, вернутся ли еще на виллу с французским названием «Жаннет», прозванную ими Жанетой, поэтому забрали с собой все. Известно было, что бежать следует на запад, кроме этого никаких конкретных планов у них не было. В нанятом за две с лишним тысячи франков полуразбитом автомобиле с шофером они намеревались добраться до Нима, оттуда поездом в Тулузу и далее в Пиренеи или в Лафрансез, городишко по дороге в Бордо, где у мужа Ляли Жировой была ферма. На этой ферме или где-то у соседей можно было переждать худшее, но только в крайнем случае, потому что там не было ни воды, ни огня, ни постелей. Но когда мир рушится, любое убежище становится на вес золота, а легендарная «ферма Жирова», хоть и без удобств, имела как раз то достоинство, что служила пристанищем растрепанному воображению.

Из всей их шестерки бежать следовало только Маргарите (Марго, или Марге, как ее звали в доме Буниных), потому что вместо нансеновского паспорта для лиц без гражданства у нее был немецкий паспорт (ее дед по отцовской линии был немцем из Восточной Пруссии), а когда 10 мая 1940 года странная война между Германией и Францией переросла во вполне нормальную, эта невинная русская певица автоматически превратилась для французов в подозрительную личность, так что в итоге 13 июня французская жандармерия приказала ей покинуть Грасс в течение суток. Впрочем, в этом они пошли Марге навстречу, благодаря, в том числе, поручительству Бунина — без которого ее бы интернировали. Остальным жильцам «Жане-

ты» — Бунину с Верой, Галине и Ляле с Олечкой — статус персоны нон грата на этом этапе войны еще не грозил, да и ход боевых действий не вынуждал их к немедленному отъезду: хотя немцы стремительно захватывали Францию, уже перешли Сену в ее нижем течении и неуклонно брали в кольцо Париж, но находящимся на юге все это виделось происходящим где-то далеко, а итальянцы, которые 10 июня вступили в войну на стороне Гитлера и начали наступление на Ниццу, не добились успеха и вскоре застряли в окрестностях Ментоны. Так что, помимо общего военного смятения, которое «наши» — в отличие от коренных французов — ощущали с сентября 1939 года, только постоянные итальянские воздушные налеты на соседнюю Швейцарию и южное побережье Франции могли тогда их непосредственно беспокоить.

Ехать или не ехать? А если ехать, то куда? — так ежедневно с конца мая и добрую часть июня они задавались вопросом отъезда, без особого убеждения пакуя вещи. Самым нерешительным из всех был Бунин — его интуиция явно не подсказывала ему в тот момент отправляться в путь, и, возможно, ему следовало прислушаться к ней. Мучительную дилемму окончательно разрешили французские жандармы, выдворяя Маргу из Грасса — в ответ на это известие Галина с уверенностью заявила, что отправится в изгнание вместе с любимой, а Вера Николаевна, которая по натуре своей не была способна ни на какие иные поступки, кроме благородных, наверняка без труда убедила своего мужа, что в этой ситуации они должны уехать вшестером, хотя бы потому, что у Марги с Галей не было денег не только, чтобы отправляться куда глаза глядят, но и на их текущие нужды.